

«Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет»

Чудесное сближения дат: Пушкинский день (6 июня) стал для многих из нас прологом к Дню России (12 июня), подобно тому, как первая любовь бывает прологом к более сложной истории любви, когда чувства проверяются только жизнью.

Появление на свет гения-хранителя русской речи отмечается и как День русского языка. А в этом году юбилейная дата — 220-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина — совпала с праздником Вознесения Христова. Сам Бог велел россиянам в эти дни возноситься духом к пониманию мыслей поэта, которого теперь называют «главной литературной личностью в отечественной истории». Пушкинское наследие еще долго, может быть, навсегда останется безупречной, нравственной (и самой благозвучной!) доминантой русского языка.

Мы, жуковские поэты, участники творческой студии поэзии «Город Неба» (ЛИТО «Крылья»), всегда особенно трепетно относились ко всему пушкинскому... Ведь земля города Жуковского (старорусского села Ново-Рождествено с окрестностями) принадлежала к Бронницкому уезду, где до 1916 года председателем земской управы был... Александр Пушкин! Хоть и не Сергеевич, а Александрович, но родной внук великого поэта. В «нашем» уезде жили и Фонвизины (фон Визины), семью которых (с добавлением Ивана Пущина, друга поэта) связывали отношения, положившие основу сюжета «Евгения Онегина».

Пушкин был и остается тем самым чистым родником поэзии, который способен утолить жажду миллионов современных русских читателей и вдохновить на творчество многих людей искусства. Среди них — известный московский художник-график Елена Шипицова. Еще в детском возрасте, читая Пушкина, она заинтересовалась рисунками поэта и сама увлеклась «летающей» импровизационной графикой. В творческом багаже Елены Владимировны Шипицовой — более ста выставок, в том числе — во всех трех главных Пушкинских музеях страны. Среди иллюстрированных ею изданий — миниатюрный альбом «Пушкин и муза», побывавший в космосе, на орбите Международной космической станции.

Рисунок
Елены Шипицовой

Алмазным салютом
На верхушках мерцают сучки.
Разгорятся теплым уютом
Из-под крыши — низких окон зрачки.
В изразцово-морозные рамы
Вечер льет темно-синюю грусть...
И под сенью огромного храма
Я молюсь за тебя, моя Русь.

Ирина РУБАШКИНА
В день рождения А.С.Пушкина

Как Пушкин, ищущий перо,
так небо со стола свою
свечу роняет, чтоб росло
пространство в душу страстную.
Освобожденный книгочей,
зрачок свечи над Родиной,
о чем он плакал? Гений чей
сулил нам путь особенный...

Мир — Божья книга — рифм полна.
Над ней, до слез изученной,
горит, горюет лишь одна
звезда любви певучая.
Кто ею души уязвил
до страсти к лицу милому,
убит, но сердцем не остыл,
ему б собраться с силою
и снова русским духом стать
и везать, где захочется,
излить стихами благодать
Отечества и отчества...

Воскресный свет над маетой.
Как мне сказать о Вечности?!
«К Мадонне» Пушкин молодой
вновь пишет у подсвечника.

Сергей ЩЕННИКОВ
Почти манифест

Среди поэтов горестной России
Я, может быть, счастливейший поэт.
Слагавший песни женщинам. Красивей
Которых в мире не было и нет.

Под шум дождя и шорохи туманов,
Добавив горлом где-нибудь на треть,
Средь рифмачей, шутов и графоманов
Я мог бы хором плакать, жить и петь.

И знаю ведь — почетней и полезней
Шагать со всеми, не жалея ног.
Но видно, чисто русскою болезнью
Я с детства безнадежно занемог.

Мне ведомо, как, следуя за строчкой,
Рождается, чтоб снова умереть.
Я знаю, как в бессоннице полночной
Внезапно синим пламенем гореть.

И в том моя тревога и отрада.
Печаль, томленье, радость и борьба.
И в том — мой крест, и в том — моя награда,
Привычка, блажь, спасенье и судьба.

Подготовила Ирина РУБАШКИНА

Нина СЕНИЦИНА

Багрянец трав и неба синь

К картине заслуженного художника РФ
Игоря Максюткина

Багрянец трав у ветхого порога,
Над избами — простор небесной сини
И тишина. И слышно слово Бога
О православной матушке России.

О селах, что разбросаны вдоль Волги,
Богатых только праведными снами;
О старости, живущей век свой долгий,
Общаясь с вечностью через резные ставни;
О той земле, что лесом и полями
Сроднилась с небом, космосом и Богом;
О людях, что не длинными рублями
Измерят ее пыльные дороги,
Но судьбами — своими и потомков,
Но памятью о жертвенности чести.

Картина о деревне. А за кромкой
Холста — Россия... И ее нательный крестик.

Ирина ДРОГИНА

Цыганский танец

Душа гитары, цыганки старой,
Да с перебором летит звеня.
Ах, эти звуки! Не место скуке,
Где столько пламенного огня.
Здесь где-то Пушкин, наполнив кружки,
Свой тост цыганам произнесет.
И ни словечка о Черной речке...
Гаданье вещее — не спасет.

Цыганский танец: щеки румянец,
Бездонный омут волшебных глаз.
Цыганки выход, как шапаи выпад
Да прямо в сердце который раз.
Звенят монисты. И темп неистов,
И плечи трепетны, горячи,
И юбок веер. Ходи скорее!
И вихри огненные в ночи.

Костер и звезды! И жребий роздан!
Пьянящей страсти летит волна.
Как сердце бьется! Вот-вот порвется
Судьбой натянутая струна.

Надежда ЦВЕТКОВА
Ко Дню России

Я — россиянка!
И гражданства
Не поменяю никогда.
Я — россиянка — эта данность
От Господа.
Гори звезда
Над матушкой моей Россией!
Овеян славою шелк знамен.
Дана ей доля — быть мессией
Народов многих и времен.
Держава — самая большая —

По свету мощь ее гремит,
И нет земель земного шара
Богаче славой и людьми.

Родство корней, могилы предков,
Обычаи сохранены,
Здесь почитаема от века
Русь заповедной старины.
Здесь белокаменные храмы
И золотые купола,
Вечерние молитвы мамы,
Здесь вновь звонят колокола.
Нет иноверцев в родословной.
Причастие мое — твой свет —
Нет выше неба Подмосковья,
Любимее просторов — нет.

Здесь соснам в водах отражаться...
Жизнь утверждая на земле,
Здесь правнукам моим рождаться,
Быть хлебу с солью на столе.
Россия — боль моя и гордость,
Мой выдох каждый, каждый вдох...
Звучат любви святые оды,
Пока мы вместе — с нами Бог!

Дмитрий Ярошевский
Единственный и неповторимый
Гнал ветер прочь седые облака!
Багровый диск тонул в крови закатной...
На землю и прозрачна, и легка,
Спускалась ночь прохладною приятной.

И купол неба был уже высок,
И звездных бусин бисер бесконечен.
Весь мир притих, печален и суров,
Как будто понимая, что не вечен.

День уходил — еще один этюд,
Еще одна закрытая страница...
И лишь тогда я понял это вдруг,
Что он не может больше повториться...

Олег БОГАЧЕВ
Русский

Говорят, что лишь водка с закуской
Составляют его естество.
Что обжора и пьяница русский.
Что в застолье все счастье его.

Но, однако ж, любые на грузки,
Испытания все, до конца,
Может вынести он, этот русский,
С крепкой верою в Бога Отца.

И любые подъемы и спуски,
Даже друга неся на руках,
Одолеть может... кто? Только русский,
Прославляемый в этих строках.

Под ногами в мороз снег ли хрусткий,
Ураган, шторм, палящий ли зной —

Не пристынет, не сплавится русский.
Не утонет, накрытый волной.

Да. Его путь — тернистый и узкий,
Зато совесть кристально чиста.
И осилит его этот русский,
Чтоб воссесть одесную Христа.

Виталий КРАСНОВ

Еще не Вече...
или В воображаемом лице у памятника
на Тверской

Перо мое в мечтах пред мыслью: «Пушкин!»
В глазах — махина чувств! Вулкан стра-
стей

Сквозь лаву бронзы будоражит души,
Пришедшие тропой стиха в «лицей».

Свободен! На Тверской лицей Поэта!
Входи, коль ты со-словием — земляк!
Да будут стройны мысли для сонета
У всех, в ком дух Поэзией объят!..

Так встань же, лицеист, да на колени!
И... «Отче наш» Поэту вслух пропой.
Не лицемерь: скажи, что вновь деревни
Лежат вповал «с протянутой ногой».

Реформу, мол, народ назвал у-мор-ой,
До нитки обобрав, теперь... морят.
Нет-нет, не всех... Балда — у Лукоморья!
С печи, да во дворец!... Чего творят!?

На каждом «дубе» цепь золотая в палец,
А кот Ученый, обалдев, по лбу
Себе стучит, младое племя хает
И пьет с усов печаль, кляня толпу.

Безмолвный наш Учитель русской речи
И Кавалер изящных словарей
Воскликнул, покраснев: «Народ — на Вече!
Кто обь-Егор-ил Вас? Где царь Коцей?»

(...Народ, опохмелясь, играл в молчанку...
«...Как поупотельны в России Вече- ра-а...»)

Игорь ПОТАПОВ
Молюсь за тебя, моя Русь

Лес, овраг, три избы у дороги,
Словно древние витязи спят.
Нет подъезда, лишь сани да ноги,
Да сугробы зарею кипят...
Лес синеем зевотой угрюмой,
Жутью древней пугая, маня...
И опять эти странные думы,
Словно храм, обступают меня.
Поклонюсь я вам длинные тени,
Дыму — сторожу заспанных крыш,
Что столбом застывающей лени
Шевелит задремавшую тишь.
Быстро меркнет...